

Техника Симарон

Бондарев Денис

Денис Бондарев
Техника Симарон

«Автор»

2023

Бондарев Д.

Техника Симарон / Д. Бондарев — «Автор», 2023

В книге изложен эзотерический психотренинг Симорон в игровой форме. Это чисто практическая система, отвечающая на вопрос: «что и как делать», когда у нас возникают жизненные проблемы. Методы универсальны, т.е. одни и те же средства применимы и к болезням, и к страхам, и к эмоциональным проблемам, и к неуверенности, и к денежным проблемам, и т.д. В книге приведены реальные события, пробуждающие самостоятельно взяться за преобразование своей жизни. Книга адресована широкому кругу читателей, которые хотят жить полноценной радостной жизнью в гармонии с окружающим миром и собой. Книга также рассчитана на интересующихся психологией, магией, эзотерикой, и тех, кто стремится к самосовершенствованию.

© Бондарев Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Состояние парения	6
Глава 2. Права на жизнь	8
Глава 3. Матрешки. Что такое Симарон?	9
Глава 4. Востановление прав	12
Глава 5. Иллюзорность мира. Симорон-театр абсурда	14
Глава 6. Основная метафора системы симорон.	15
Глава 7. Выводы из модели планетария.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Денис Бондарев

Техника Симарон

Переиздат

Волшебный Ящик, Солнце – в нем свеча, А мы лишь призраки бесплотные на стенках.
О. Хайям «Рубаи».

Представьте себе непроветренную комнату, в которой набилось ужасно много народу. И все они сидят на разных уродливых табуретах, на расшатанных стульях, каких то узлах и вообще на чем попало. А те, кто попроворней, норовят сесть на два стула сразу или согнать когонибудь с места, чтобы занять его самому. Таков мир, в котором вы живете. И одновременно у каждого из этих людей есть свой собственный трон, огромный, сверкающий, возвышающийся над всем этим миром и над всеми другими мирами тоже. Трон поистине царский – нет ничего, что было бы не во власти того, кто на него взойдет. И, самое главное, трон абсолютно легитимный – он принадлежит любому человеку по праву. Но взойти на него почти невозможно. Потому что он стоит в месте, которого нет... Он находится нигде.

В. Пелевин. «Чапаев и Пустота».

Глава 1. Состояние парения

И вдруг его осенило.

– Слушай, – закричал он, – да ведь это и есть полет! Мы летали!

Затворник кивнул головой.

– Я уже понял, – сказал он. – Истина настолько проста, что за нее даже обидно.

В. Пелевин. «Затворник и Шестипалый».

Видели ли вы, как парит птица? Распластав крылья на гладком ковре ветра, скользит она в пространстве, ничему не противясь, ничего не преодолевая, – слившись со стихией, сама став стихией. Она не тратит ни одного усилия и может бесконечно долго перемещаться в синем небе.

Состояние парения является одним из базовых понятий в системе Симорон. В этом состоянии стремятся жить симоронисты. Если я «парю», могут ли в такие минуты возникать проблемы, требующие моего внимания? Все решения обретаются сразу, без усилий. Трасса парения – это зеленая улица успеха, где передо мной открываются все двери, безостановочное движение навстречу жизненным удачам. Возникает гармоничное согласие с собой и миром, естественное, всеобъемлющее понимание, которого не достигнешь годами подвижничества.

Описать в книге состояние парения довольно сложно, поскольку для каждого это – субъективные внутренние переживания. Когда я – в парении, мне и в голову не придет как то называть, определять испытываемые ощущения. Жизненные обстоятельства, при которых один человек оказался в состоянии парения, для другого могут ничего не значить. Выразить состояние парения можно лишь метафорически, как в следующем коротком рассказе.

* * *

– Когда то в детстве я учился ездить на двухколесном велосипеде «Ветерок». Управлять им сложнее, чем трехколесным велосипедом, на котором я катался раньше. Я никак не мог удержать равновесие во время движения. Проехав пару метров, велосипед, будто заколдованный, в очередной раз заваливался на бок, и я летел на асфальт, получая синяки и ссадины.

И вот однажды мне удалось «поймать» положение равновесия, и я, отчаянно виляя рулем, поехал! Постепенно я выровнял велосипед и почувствовал, что темно синий «мустанг» слушается меня. Я слился с ним в единое целое и, почти не тратя усилий, чтобы крутить педали, катился вперед. Мир вокруг меня – и серый асфальт тротуара, и длинные тени от заходящего солнца, и кусты сирени, и старое дуплистое дерево груши, и щебет птиц, и ласковый летний ветерок, – все это обрело какое то иное, неуловимое, необъяснимое словами значение. В этом новом мире исполнялись желания, и каждый следующий миг, сотворенный мною, был неповторимым и поглощал меня целиком.

* * *

Каждый человек много раз в жизни испытывал состояние парения, когда научился ходить, плавать, танцевать, рисовать...

В состоянии парения человек становится творцом, его посещает вдохновение, и из любого его прикосновения к миру получаются совершенные произведения: картина, рецепт торта, мелодия, постройка дома, научное открытие... В сновидении мы часто испытываем

состояние парения, которое сопровождается полетами во сне, неожиданным решением какой то проблемы, нахождением потерянных вещей, сочинением стихов...

Мы надеемся, что читатель из этих примеров сможет составить некоторое понятие о парении и вспомнить моменты парения в своей жизни.

В большинстве случаев состояние парения возникает спонтанно, независимо от нашего желания, и так же внезапно исчезает. Система Симорон – это попытка научиться переходу в состояние парения и пребыванию в нем.

Что происходит, если я парю, если я угоден природе, если она меня поддерживает? Ответ очевиден – организм не изнашивается, личность не изнашивается, останавливается процесс старения, останавливается процесс разрушения организма. И скажите, может ли после этого наступить смерть?! Логика подсказывает, что смерть является естественным исходом наших ошибок. Тогда мы видим человека, который заявляет:

– Все! Складывайте меня! Не справился я с задачей, госпожа Природа!

Это очередной игрок, которому природа кричала:

– Стой, не лезь в бутылку, вернись в состояние парения!

– Нет, я полезу!

– Там же худо!

– Все равно полезу. Не мешайте мне свободно падать! Куда хочу, туда и лезу!

После чего его запаковывают в деревянный ящик, где удобнее хранить кирпичи или фрукты, и с надрывными звуками везут на кладбище, на переплавку.

Симоронист, который находится в состоянии парения, как минимум, отдалает смерть, а в идеале – снимает ее. Он может выбрать другую посадочную площадку, когда ему надоест эта реальность. Причем неважно, сколько он успел наломать дров в своей жизни. Важно, что он в какой то момент остановился, спохватился и вошел в состояние парения. Дальше остается лишь пребывать в этом состоянии, организм перестает стареть и разрушаться, и, более того, начинается процесс восстановления, омоложения.

Глава 2. Права на жизнь

Вы доказали, что вы наилучшим образом готовы к существованию.
Дж. Грэхэм. «Как стать родителем самому себе».

В некотором царстве, в некотором государстве, жил был король с королевой. И была у них единственная дочка Фрося неописуемой красоты. Долго думал король, как найти достойного жениха для принцессы. И однажды приснился ему сон, где увидел он собственную дочь спрятанной в темной пещере на далеком неизвестном острове Буяне. Сон этот оказался вещим – принцесса исчезла. И были отправлены глашатаи во все уголки королевства и послы в далекие заморские страны, чтобы объявить королевский указ: «Кто отыщет принцессу, тот женится на ней и получит полцарства в придачу». И откликнулись на этот указ двадцать семь миллионов претендентов. Были среди них королевичи и принцы, богатыри и воины, купцы и простые люди. На пути к острову Буяну смельчаков подстерегало много трудностей и опасностей, и чтобы достигнуть цели, нужно было проявить силу, упорство, бесстрашие. А самое главное, нужно было проявить непоколебимую веру в себя. Все эти качества выказал крестьянский сын Федор. Он искусно прошел все испытания, проник в укромную пещеру и заключил красавицу Фросю в объятия.

Мы рады сообщить читателю, что Федором победителем являетесь именно вы. Примите наши поздравления! Именно вы однажды победили в этом состязании в один из важнейших моментов личного бытия – момент зачатия, когда одна единственная материнская клетка (принцесса) слилась с одной из миллионов мужских (Федор). Все остальные претенденты ушли в небытие.

Как вы думаете, природа столь не рациональна, не разумна, что она просто случайно выбрала из множества отцовских клеток какую то одну, чтобы дать вам право на жизнь? Скорее всего, этот отбор произошел не случайно, и из отцовских клеточек была отобрана как раз та, которой в соединении с материнской было поручено выполнить особое задание госпожи Природы.

И если природа поступает таким образом, то, давая нам права на жизнь, она дает нам какие то обязанности. Нам поручается сыграть в жизни определенную роль, выполнить задание сложнее, чем Штирлицу. Каждый из нас от рождения получает права на качественное выполнение этого задания: права на преуспевание, права на творчество. И почему то эти права утрачиваются чуть ли не со дня рождения: маленькими детками мы начинаем болеть, начинаются наши неурядицы, столкновения, тревоги, страхи, проблемы, горести. Не успев стать на две ножки, человек обрastaет проблемами, которые мало чем отличаются от проблем его взрослого будущего бытия.

Где, когда, почему, в какой момент мы потеряли права на жизнь, полученные в момент слияния двух клеточек?

Глава 3. Матрешки. Что такое Симарон?

Приходит Чапаев к Анке, а она голая сидит... Он ее спрашивает: «Ты почему голая, Анка?» – А она отвечает: «У меня платьев нет». Он тогда шкаф открывает и говорит: «Как нет? Раз платье. Два платье. Привет, Петька. Три платье»...

Чапаев стал объяснять Анне, что личность человека похожа на набор платьев, которые по очереди вынимаются из шкафа, и чем менее реален человек на самом деле, тем больше платьев в этом шкафу... Она пыталась доказать, что все может обстоять так в принципе, но к ней это не относится, потому что она всегда остается собой и не носит никаких масок. Но на все, что она говорила, Чапаев отвечал: «Раз платье. Два платье»... Потом Анна спросила, кто в таком случае надевает эти платья, и Чапаев ответил, что никого, кто их надевает, не существует. И тут Анна поняла. Она замолчала на несколько секунд, потом кивнула, подняла на него глаза, а Чапаев улыбнулся и сказал: «Привет, Анна!»

В. Пелевин. «Чапаев и Пустота».

Попробуем понять, где и когда мы теряем права на жизнь, на счастье, на благополучие, где и как мы обрастаем проблемами. Сейчас мы пишем эти строки, сидя в комнате. Она ограничена стенами, потолком, полом, окнами, дверьми. Мы чувствуем себя более или менее комфортно, мы защищены от возможных неурядиц. За окном сильный ветер и дождь со снегом, а в комнате тепло, сухо, светло. А за пределами этого помещения существуют какие то границы, защищающие нас? Конечно, это район, в котором мы находимся. Если бы рядом раздавался грохот строительства, нам бы это мешало.

Город – это следующая черта, полоса границ, которыми мы окружены. За пределами города есть другие границы – область, государство. Предположим, что в Новой Лемурзии образовалась партия, которая задумала бы завоевать Россию. Тогда наши пограничники достойно встретили бы этих всадников на бегемотах с пиками и мечами и дали бы им отпор. За пределами государства находятся границы континента Евразия. Мы защищены от океанов, которые со всех сторон готовы вздыбиться и залить нас. Границы земного шара тоже защищают нас. За пределами этой территории есть наша родная обжитая Солнечная система. Она находится внутри нашей Галактики, внутри нашего звездного острова. Следующая граница – Вселенная, Космос. А что дальше? А дальше ничего. Если мы дошли до края, предположительного края, то бесконечную Вселенную очертили границами. Всё! Мы нарисовали все границы бытия, которые нас окружают.

Наш опыт подтверждает, что мы всегда окружены пространственными границами.

Рассмотрим время. Есть хоть ктонибудь, кто ни разу в жизни не регламентировал, не рассчитывал время? Известно, что исследователи, которые забираются в пещеры, как то фиксируют время. Оно может не совпадать с часами наружными. Но в любом случае, внутри у нас работают часы, осознаем мы это или нет.

И в пространстве, и во времени мы постоянно ставим границы, чтобы не было неприятностей, чтобы почувствовать себя определенно, уверенно. Если на окнах решетки – мы спокойны. Если завтра начнут выплачивать компенсацию за моральный ущерб, нанесенный перестройкой, я приду в сберкассу вовремя. Одна мысль о компенсации добавляет мне уверенности в будущем.

Выясним, насколько границы нас оберегают. Вернемся к зданию, в котором мы пишем книгу. Пока мы здесь сидим, мальчишки могут избрать наше окно мишенью для стрельбы из рогатки. Значит, это здание нас не охраняет. А район, город, Россия так ли уж защищены? Вспомним 1941 год. Война началась, хотя все были уверены в обратном. Страна расположена

на континенте. Если верить преданиям, Атлантида была надежно устроена на континенте. Ее слизало. Нет Атлантиды. Так ли уж это невозможно для Евразии?

Перейдем к временным границам. Баба Дуся увлеклась поздним телесериалом и, в результате, оказалась в конце очереди за компенсацией. Деньги выплатили только первой десятке, а бабу Дусю увезли на «Скорой помощи».

Следовательно, ни пространственные, ни временные границы нас не охраняют. Очевидно, что любая граница, которую мы ставим, не является надежным препятствием для катастроф, катаклизмов, неприятностей. Нам только кажется, что мы защищены. Нас не оберегает неведение, страусовая привычка «прятать голову в песок», делать вид, что мы абсолютно защищены.

Когда мы привыкаем к установившемуся режиму, он защищает нас временно а стало быть, не защищает в принципе. Мы идем в лес по грибы, а попадается ядовитый гриб; мы выходим в солнечную погоду, а промокаем под ливнем. Как можно жить в этом мире, люди добрые? Невероятно! Если мы подумаем, где находимся и чем пытаемся себя защитить, то нужно прямо сейчас всем харакири сделать! Любые границы, которые мы создаем, нас не защищают, а, наоборот, губят и ведут рано или поздно к гибели.

Пространственные границы – мои личные вещи, моя комната, мой дом, моя улица, моя страна, моя планета, моя солнечная система, моя галактика. Временные границы – мой рабочий день, мой месяц отдыха, мой учебный год, моя юность, моя зрелость, моя жизнь. Еще есть внутренние границы – мои планы, мои идеи, мои переживания, мои мечты, мои привычки, мои страхи, мои болезни, мое здоровье. Все это границы, отличающие меня от других людей. А где же нахожусь Я?

В мозгу, в душе, в центре вселенной, в физическом теле, внутри своего сознания? Любое слово выделяет, отграничивает какой то объект. И если я называю что то, то, тем самым, ставлю границу между этим объектом и тем, что этим объектом не является.

Вспомним нашего друга, товарища и брата Кощея Бессмертного. Куда он спрятал свою жизнь? В иглу, иглу в яичко, яичко в утку, утку в зайца, зайца в шкатулку, шкатулка подвешена на дереве, дерево находится на острове в море океане. Он окружил собственное Я такими границами, что, казалось, достичь его было невозможно. Но именно потому, что к любой границе есть ключик, известные персонажи добрались до его жизни.

Что останется, если убрать, сбросить все границы? Представим, что мы раскрываем все оболочки, как матрешки, и доходим до последней. Что внутри нее? Пустота. Но эта пустота является основой всей жизни. Оболочки, в которые мы себя одели, случайны, эфемерны и взаимозаменяемы. Но то, что находится внутри – нетленно и неприкосновенно. Все мои внешние и внутренние обозначения – это только упаковки моего вечного, глубинного, беспредельного Я.

Подытожить приведенные рассуждения можно классическим высказыванием.

Есть нечто бесформенное, прежде неба и земли существующее, беззвучное, бескачественное, ни от чего независимое, неизменное, всепроникающее, неизбывное. Его можно назвать матерью всего, что существует под небом. Истинного имени его мы не знаем.

Это определение, принадлежащее классическому даосизму Лао Цзы, достаточно наглядно и убедительно, хотя оно и состоит из слов. Мы не можем назвать то, что неназываемо. Мы не можем употребить ни одно понятие, ни одно определение, тем самым не поставив очередную границу.

Упаковки, оболочки легко обнаруживаются, а то, что находится внутри них, выскальзывает как мыло. Едва мы попытаемся это обозначить, оно тотчас улетучивается. Нельзя познать то, что непознаваемо. Возможный выход – это отделаться безобидной шуткой.

Поэтому назовем это СИМОРОН. Безобидно. И ничего не значит, ничего не определяет. Вы можете назвать его Петя Рыбкин, или матрос Васькин, или Моськин кот, зная прекрасно,

что это все ярлыки, за которыми не стоит ничего. Ибо мои внешние и внутренние обозначения – это границы, это оболочки, это упаковки того Симорона, о котором мы сейчас говорили. В дальнейшем мы иногда будем называть Симорон – Степанычем, подчеркивая наш шуточный, игровой подход. Ну как можно поклоняться какому то Степанычу?!

Глава 4. Востоновление прав

Чтобы оказаться в нигде и взойти на этот трон бесконечной свободы и счастья, достаточно убрать то единственное пространство, которое еще остается, то есть то, где вы видите меня и себя самого. Что и пытаются сделать мои подопечные. Но шансов у них мало, и через какое то время им приходится повторять унылый круг существования. Так почему бы вам не оказаться в «нигде» при жизни... Вы, наверно, любите метафоры – так вот, это то же самое, что взять и выписаться из дома умалишенных.

Барон Юнггерн, Командующий Особым Полком Тибетских Казаков.

– Ничего не поделаешь – возразил Кот. – Все мы здесь не в своем уме – и ты, и я!

– Откуда вы знаете, что я не в своем уме? – спросила Алиса.

– Конечно, не в своем – ответил Кот. – Иначе как бы ты здесь оказалась?

Л. Кэрролл. «Приключения Алисы в Стране Чудес».

Теперь мы можем ответить на вопрос об утере природных прав. Они теряются в самозащите, в утверждении своих оболочек, начиная от самой дальней и заканчивая самой ближней. Как только я говорю, что это – мое, а то – чужое, то немедленно возникает оболочка. Закрывается глубинное Я, которому и принадлежит все. Отсюда напрашивается простой вывод – для восстановления своих прав достаточно освободиться от системы упаковок.

Упаковки, оболочки, любые законы, любые правила, все, придуманное человеком, – это просто попытка обозначить как то границы. И они работают в пределах тех игр, которые я признаю действующими. Но за пределами этих игр они не работают. И тогда находится Ньютон, устанавливающий законы. Затем Эйнштейн развивает идеи Ньютона, а вслед за Эйнштейном кто нибудь уточнит идеи Эйнштейна. И так границы раздвигаются все время, и этот процесс бесконечен.

Разбив клювом дверцу, птица вылетела из клетки, думая, что освободилась. Она не видит, что находится вместе с прежней клеткой в клетке большего размера, а та в следующей клетке, и так до бесконечности. Аналогично, мы, постигая те или иные законы, натываемся клювом на очередную дверцу, которую надо открыть. Смысл нашего освобождения не в том, чтобы дверцы снимать, а в том, чтобы заглянуть туда, где создаются все дверцы и все клетки. Тогда и дверцами заниматься не надо будет, тогда окажется, что мы изначально свободны, но не умеем этой свободой пользоваться. Если мы заглянем в себя, то найдем там Симорон, найдем могущественную искорку творения, которая создала нас и все остальное. Чем отличается мой персональный Симорон от вашего? Есть ли у него индивидуальные черты?

Когда то до революции был вертеп. Кукловод выходил на площадь, в одной руке у него была кукла Петрушка, а в другой – жандарм или царь. Они выясняли отношения. Но, в принципе, их отношения были отношениями кукол. Кукловод – Симорон, куклы – упаковки, матрешки. Я добрался до серединки, до своего истинного Я (Симорона), одного Я на всех. Это Я неизмеримо глубже, чем то, что мы называем личностью, которая состоит из физического тела, ощущений, эмоций, мыслей, прошлого опыта. Это Я разлито по личностям, сосудам, упаковкам. Каждый объект в мире – тот же Симорон, запечатанный в другие сосуды, в другие матрешки.

Есть одна старая притча. Слепые наткнулись на слона. Один взялся за хобот и решил, что это змея, другой прислонился к боку и подумал, что это стена, третий прислонился к ноге и принял ее за колонну. Каждый из них отстаивал собственную позицию. Предположим, что каждый отстаивал бы ее до конца и собрал бы единомышленников. Образовались бы государ-

ство хоботистов, нация ножистов. Они пошли бы друг на друга войной и уничтожали бы друг друга. Примерно так, как в путешествии Гулливера лилипуты дрались с соседями по поводу того, что одни разбивали яйцо с острой стороны, а другие с тупой, и столетиями проливали кровь на этой почве. Все наши сражения – битвы этих слепых. Но, к сожалению, в подобных сражениях мы теряем всю жизнь. Когда я отстаиваю свои принципы, я сражаюсь с собой.

Если я вижу сражение упаковок и всерьез сочувствую одной из них, то становлюсь соучастником этой баталии и утрачиваю связь с Симороном. Так я теряю природные права в бессмысленном укреплении своих границ. Упаковки условны и действуют только в режиме моей поддержки. Стоит мне лишиться их этой поддержки, т.е. перестать подпитывать их своими мыслями, желаниями, и они тут же слетают с меня как шелуха.

Глава 5. Иллюзорность мира. Симорон-театр абсурда

Реальность воображаема, а воображаемое – реально!

В. Соло. «Начало магии».

Мир, где мы живем – просто коллективная визуализация, делать которую нас обучают с рождения. Собственно говоря, это то единственное, что одно поколение передает другому.

В. Пелевин. «Чапаев и Пустота».

Мы выяснили, что Симорон запрятан в систему упаковок, которые имеют названия и составляют модель мира (ср. «описание мира» у К. Кастанеды). Эта модель мира есть иллюзия, которую личность воспринимает как реальность, оживляя ее своим воображением.

Приведем известную метафору из индийской философии. Возьмем светящуюся точку, маленький горящий уголек. Это – начало мира, это – Симорон. Она не имеет ни длины, ни толщины, ни глубины, ее нельзя взвесить. Посмотрим, что будет происходить, когда эта точка начинает расти. Как она может расти, если в мире есть одна эта точка и ничего больше? Единственным образом – если она будет повторять саму себя. Прикладывая точку к самой себе, мы получим светящуюся линию, светящийся луч. Обратите внимание – он иллюзорен, он так же неизмерим, как неизмерима породившая его точка. Начните раскручивать эту линию. Вы увидите светящийся круг. Он иллюзорен, он нереален, однако мы его видим. Из круга получается светящийся шар, объем, которого в реальности не существует, а существует только породившая его светящаяся точка. Если мы вытянем из этого шара лучики и будем их вращать, то получим то, в чем существуем, в чем живем – мы получим мир.

Он голографичен, иллюзорен. Почему мы этого не видим? Да потому, что сами как личности являемся голограммами. Голограмма голограмму видит издалека! Итак, мы имеем дело с многократным воспроизведением Симороном самого себя – основным принципом миростроительства.

Можно ли всерьез относиться к набору упаковок, матрешек? Система Симорон также является упаковкой или, лучше сказать, театром. Этот театр учитывает собственную иллюзорность. Поэтому он комедийный, шутовской, театр абсурда, в отличие от драматических театров, в которые так любит играть человечество. Основой симоронского искусства является улыбка, чувство юмора. Не принимать всерьез свою проблему – это способ выхода из нее. Если я улыбнусь, увидев себя в цепях, – цепи ослабнут, если буду продолжать улыбаться – они совсем спадут. Иногда хохот на симоронском семинаре можно услышать за несколько кварталов. Обучение на семинаре больше напоминает непринужденную детскую игру (в волшебников), чем привычный академический процесс.

Глава 6. Основная метафора системы симорон.

Я был вчера в огромном городе,
Где совершенно нет людей.
И в каждом доме вместо окон
Я видел только зеркала.
Когда я просто улыбался,
То улыбался мне весь город.
И если я кивал кому то,
То все кивали мне в ответ.
Иногда казалось мне, что город жив,
И что вокруг миллион людей.
И вновь, и вновь не мог поверить я, что я один,
И что вокруг лишь зеркала.
А. Макаревич «Хрустальный город».

Мы достаточно подготовили читателя, чтобы привести базовую метафору системы Симорон. Все симоронские приемы и техники предназначены для того, чтобы как можно глубже осознать эту метафору.

Представьте себе планетарий. В центре планетария находится шар с дырочками, внутри которого расположена яркая лампа. Когда лампа включается, из всех дырочек наружу пробиваются лучики света, которые на темном куполе планетария превращаются в светящиеся точки, изображающие звездное небо. Мы имеем полиэкранную систему: внутри шара расположен источник света – Симорон; шар – как первый экран на пути этого света; купол планетария является вторым экраном на пути света. Источником является лампа. Выключите лампу – погаснет первый экран, исчезнет и второй. Включите лампу – оживут все экраны.

Симоронисты считают, что эта модель в точности соответствует процессу, в который мы вовлечены от рождения. Сила, выпустившая меня (или любой объект мироздания) в жизнь, находится не вне меня, а – внутри. Этот источник света и называется Симороном. Вокруг него – шар, в этом качестве выступает моя личность. Если я пропускаю излучение, которое меня выпустило в мир, дальше, то вне меня будет выписано мое продолжение. Этим продолжением является весь видимый, проявленный мир. Такой аналог звездного неба называется вторым экраном. Каждый человек, растение, животное, камень, каждый предмет видимого мира является моей проекцией, укрупненным продолжением меня самого. В тот момент, когда я бросаю взгляд на какой то предмет, я выпускаю луч и выписываю вне себя свое продолжение, соответствующее дырочке, сквозь которую я выпустил этот луч. Дырочки разной формы, соответственно, и проекции разные.

Итак, включилась внутренняя лампа. Она начинает освещать, транслировать животворящее излучение. Вообразите, что в тот момент, когда вы родились на белый свет, вас поместили в барокамеру, и вы ни с чем не познакомились. И до сего дня вы бы пребывали в абсолютной пустоте и полагали, что в мире существуете лишь вы, потому что другой информации у вас бы не было. Если вы сейчас закроете глаза, уши, ноздри, выключите накопленный личный опыт, то сможете почувствовать, что в мире присутствуете только вы, присутствует начало, выпустившее вас в жизнь – Симорон.

На пути излучения возникает первый экран – шар личность, дальше которого лучи могут и не пройти. В шаре дырочки – это каналы жизненных устремлений личности, ее чаяний, замыслов, планов. Первый экран – это первый слой оболочек, в которые запакован Симорон: это я со всей психофизической начинкой, мое тело, инстинкты, ощущения, эмоции, мысли.

Вторым экраном будет то, что находится за пределами первого: внешняя среда, внешний по отношению к личности мир. Многообразные объекты второго экрана расположены кто ближе к первому экрану, кто дальше, – однородными слоями, и таких слоев будет три.

Прежде всего, это – личностное окружение: мои вещи, предметы обихода, мой огород, домашние растения и животные, окружающие меня люди, родственники, друзья, те, с которыми я в постоянном контакте. Я их узнаю, они меня узнают.

Далее располагается околичностное окружение – все, что попадает в поле моего непосредственного восприятия, но не является моей собственностью. Это предметы, помещения, растения, животные, люди, временно оказавшиеся в поле моего зрения. Все, что временно при-мыкает к моему личностному окружению, а потом уходит из него, мы называем околичностным окружением. Когда мы движемся по улице, путешествуем, куда то переходим, мы входим в контакт с околичностным окружением. Оно более скоротечно, более кратковременно, чем личностное окружение.

Последний слой второго экрана – дальнейшее окружение. Это – комплекс объектов второго экрана, с которым я практически не пересекаюсь, но знаю о его существовании. Я никогда не был в Амстердаме или на Бетельгейзе, но я знаю об их существовании.

Таким образом, мы разделили упаковки Симорона на четыре слоя: личность, личностное окружение, околичностное окружение и дальнейшее окружение.

Глава 7. Выводы из модели планетария.

- Что случилось? ... Вы укололи палец?
- Еще не уколола, – сказала Королева, – но сейчас уколою! А а а!
- Когда вы собираетесь сделать это? – спросила Алиса, с трудом сдерживая смех.
- Сейчас буду закалывать шаль и уколою, – простионала бедная Королева... острие соскользнуло, и Королева уколола себе палец.

Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье».

Рассмотрим, какие выводы следуют из модели планетария. Я испускаю луч творения и тем самым создаю внешнюю среду. Значит, окружающий мир является моим прямым продолжением, моим порождением, он зависит исключительно от меня. Что я излучу, что я создам, то и будет вокруг меня. Я и только я (это может сказать о себе каждый человек) порождаю внешнюю среду, картину на втором экране.

Симорон или творящее начало, находящееся в каждом из нас и создающее миры, напоминает жонглера, который берет части своей личности и перекидывает из одной руки в другую. Мы перебрасываем природное, творящее Я друг другу, и в результате возникает продуктивный обмен, который способствует утверждению жизни на земле. Если жонглер будет не перебрасывать, а забирать из одной руки в другую, то, в конечном счете, возникнет дисбаланс, и какая то рука окажется пустой или менее наполненной, чем другая. Наблюдая в частных проявлениях природы катастрофы, аварии, беды, мы видим именно эту картину – из одной руки взято слишком много.

Если я вместо трансляции животворящей энергии буду забирать ее из мира, из другой руки жонглера, то я пострадаю в большей степени, чем мир. Что произойдет с шаром в модели планетария, если заткнуть все дырочки, ничего не транслировать во вне? Он просто расплавится! Затягивание дырочек – это копание в себе, это желание получить, ничего не дав взамен. В Симороне заинтересованность своей персоной, первым экраном, называется пупосмотрением, то есть заглядыванием себе в область пупа и в запупное пространство. Если я занимаюсь исключительно самосовершенствованием, первым экраном, то на втором экране возникает все больше безобразий. Чем больше я увлекаюсь самоспасением, тем вернее я уничтожаю и себя, и других.

В рамках модели планетария понятия эгоизма и альтруизма сливаются в одно: мне выгодно транслировать благо, творить добро моим проекциям, в этом – мой «шкурный» интерес.

Личности напичканы нашим опытом, знанием мира, жизненными устремлениями, мыслями и отличаются друг от друга. Следовательно, первый экран является трафареткой, которая определяет картину на втором экране. Каждый по своему видит, но только то, что пропускает фильтр первого экрана. Личность представляет существенное отличие от универсальной проекции, которую транслирует Симорон. Симорон один на всех. На каком этапе искажается универсальная информация, которую он дает? На личностном экране.

Пример такого первоэкранного искажения описан в романе К. Саймака «Обмен разумом». Герой путешествовал по разным мирам, перемещая сознание в черепную коробку инопланетян. Погуляв достаточно много, он возвратился на Землю. Дырочки на его первоэкранный фильтр оказались основательно запечатаны впечатлениями, которые он приобрел в других мирах. Наслаждаясь видом стада, идущего на водопой, он так и не понял, что любит на стадо крыс.

Мы сплошь да рядом смотрим на крыс, а видим в них овечек, или наоборот. Вот что представляет собой загрязненный нашим мирским опытом, «знанием», первоэкранный фильтр. И то, чем мы его засоряем, то и увидим на втором экране. Если мой жизненный опыт построен в основном на болевых ощущениях, то я страдаю, я болею. И во внешней среде я увижу ту же картину, которую наблюдаю в себе. Вне себя я буду замечать больных людей, картины разрушения, все, что связано с болевыми ощущениями. Я буду непроизвольно видеть болезни там, где их в помине нет. Если я пострадал оттого, что мне наносили удары, то я буду ожидать повторения этого «удовольствия». И, глядя на других, буду высматривать в них потенциальных бандитов, буду как бы притягивать их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.